

УДК 94(430)
DOI 10.52452/19931778_2021_2_60

ХАРАКТЕР И СОСЛОВНО-КОРПОРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНО-ФИНАНСОВОГО ВКЛАДА НАСЕЛЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОЗИДАНИЕ ОПОЛЧЕНИЯ В ЭПОХУ 1812 г.

© 2021 г.

Д.А. Николаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

dmnikolaeff@mail.ru

Поступила в редакцию 01.03.2021

Рассматриваются особенности материально-финансового вклада населения при создании ополчения в Нижегородской губернии в 1812 г.: устанавливаются точное количество пожертвований и их характер, а также осуществляется анализ сословно-корпоративных особенностей эпохи, связанных с процессом сбора средств. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов определяются источники пожертвований от разных социальных групп, выявляются специфические черты местного «жертвователювого движения» с учетом критики ранее написанных по этой проблеме исторических трудов.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, нижегородское ополчение, Отечественная война 1812 г., офицерский состав, военные и гражданские чины, добровольные пожертвования.

Важным аспектом изучения событий эпохи наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 г. является выяснение характера и особенностей местных губернских ополчений, созданных в 1812 г., и в частности изучение вопроса о количестве и «качестве» пожертвований на созидаание ополчения в локализованной рамками конкретной губернии среде. Вопрос об особенностях жертвователювой кампании в эпоху 1812 г. и количестве взносов от населения Нижегородской губернии за два столетия его изучения до сих пор окончательно не выяснен, несмотря на значительный объем источниковых данных и наличие многочисленных работ по различным аспектам истории местного ополчения. Вопрос этот тем более актуален и важен, поскольку именно кампания пожертвований на ополчение как таковая, ее характер и особенности позволяют обозначить срез определенного уровня общественно-экономических отношений эпохи и выявить специфические особенности (административные, сословные и пр.) проявления «практического» патриотизма «в действии». Целью данной работы является, помимо определения количественных данных по сбору средств на нижегородское ополчение 1812 г., выявление основных тенденций, проявившихся в процессе сбора пожертвований в губернии, их характера и сословно-корпоративных особенностей, с учетом критического освещения некоторых фрагментов исторических сочинений, посвященных губернской кампании пожертвований в эпоху 1812 г.

После вторжения войск Наполеона на территорию Российской империи Александр I в офи-

циальном рескрипте сообщил о начале новой войны и выразил мнение, что этот ее этап носит общий и всенародный характер. Царь надеялся «на усердие Моего народа и храбрость войск Моих» [1, л. 1] и заявлял, что «оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили нас препоясаться на брань» [1, л. 1]. Манифестом от 6 июля 1812 г., обращенным ко всем подданным и сословиям Империи, утверждалась необходимость создания по всей стране местных губернских ополчений, которые стали, по закону от 1806 г., дополнительным мобилизационным резервом вооруженных сил страны. 1 сентября 1812 г. начался сбор нижегородского ополчения: с сентября по декабрь 1812 г. на службу было призвано 12 275 пеших [2, с. 121] и 653 конных воина [3, с. 115] для формирования 5 пехотных [4, с. 27] и 1 кавалерийского полков, которые входили в состав т.н. III ополченского округа под командованием генерал-лейтенанта П.А. Толстого. Вооружение [5, с. 75], обмундирование и обеспечение формируемых подразделений осуществлялось как за счет «отдатчиков ратников» (помещиков либо мещанских обществ), так и, во многом, за счет «добровольных пожертвований».

Первый опыт массовых пожертвований в эпоху 1812 г. был получен в Нижегородской губернии в ходе снаряжения 3 регулярных армейских полков, когда в Ярославле и Владимире формировались (из рекрутского набора) 1-й и 2-й егерские ярославские полки и 2-й владимирский пехотный полк: «Высочайшее повеление» об этом (от 13 мая 1812 г.) было получено в Нижнем Новгороде 26 мая. Обмундирова-

ние и амуниция для этих полков должны были быть приобретены на «объединенные» средства дворянских обществ, а обоз, лошади, упряжь и прочее снаряжение – на средства «градских обществ» 4 губерний: Нижегородской, Вологодской, Ярославской и Вятской [6, л. 23–29]. Нижегородское дворянское общество собрало для этих целей 323206 руб., а градские общества губернии – 32055 руб. [7, с. 16]. Основная сумма пожертвований была собрана в течение 1812 г., а сбор недоимочных средств продолжался до 1814 г. [7, с. 20].

Сбор же пожертвований собственно на нижегородское ополчение шел «особо» в следующих сословно-корпоративных сообществах: дворянское общество; иногородние купцы Макарьевской ярмарки; мещане, купцы и «цеховые» «градских обществ»; церковнослужители и «лица духовного звания» в целом. По требованию вице-губернатора А.С. Крюкова сбор пожертвований (и доставку сведений об этом) как с купцов на Макарьевской ярмарке, так и «на местах», в уездах, централизованно осуществляли «контора строений» Макарьевского гостиного двора [8, л. 16–16об.] и «градские думы»; духовная консистория вела учет пожертвований с церковных приходов губернии. Но именно Макарьевская ярмарка стала настоящим «золотым дном» для финансирования как нижегородского ополчения, так и многих других военных мероприятий. Пожертвования собирались достаточно централизованно, как правило, людьми (купцами же), имевшими солидный собственный капитал и авторитет в своей среде. Следует отметить, что сбор денег производился либо в соответствии с торговой специализацией по группам товаров («мыльный ряд», «напиточный (напиточный. – Д.Н.) ряд», «суконный ряд» и пр.), либо по месту происхождения (либо постоянного жительства или профильной деятельности) купцов. Но это правило могло и не соблюдаться и пожертвования иногда носили «частный» и неупорядоченный характер.

31 июля 1812 г. были зафиксированы первые крупные взносы от «торгующих на Макарьевской ярмонке иногородних торговых гостей по настоящему ополчению противу врага России» [9, л. 28], которые собрал с купцов северных территорий иркутский купец П. Басмин; торговцы, «будучи движимы патриотическою ревностью... пожертвовали нижеследующие суммы» [9, л. 28–28об.]: П. Басмин – 1000 руб., «иркутский купецкий сын К. Трапезников – 1000, тобольский купец Д. Медведев – 200, иркутской купецкой сын К. Лычагов – 250, тотемской купец И. Щеглов – 200»¹. Того же числа, очевидно, «под руководством» тульского купца

В.С. Ломова (внес 100 руб.), внесли пожертвования «московской купец В. Ерофеев – 100 (руб. – Д.Н.), московской купецкой сын А. Скребков – 25, ярославской купец Ф. Чапахин – 15, тульские купцы Г. Шабалин – 10, Н. Хлебников – 25, и тульский оружейник А. Лялин² – 25, казанской купец Л. Сухоруков – 25» и другие купцы и «промышленники» [9, л. 28–28об.]. Одним из крупных ярмарочных «объединенных» пожертвований, поступивших в контору строения Макарьевского гостиного двора, стал, в начале августа 1812 г., взнос от корпорации московских купцов (не всех), в составе И. Щеглова, М. Шеламова, Е.А. Крутякова, А. Шемшурина, Ф. Шишова, В. Медовикова, Г. Казмина, П. Шепелева, Н.Г. Сысоева, П.Ф. Смирнова, Ф.И. Диттеля, Т.В. Воробьева, А. Никифорова и др. [9, л. 15–19], который «представил» московский же купец Т.А. Щеглов: «собрал я, Щеглов, 3069 рублей и при оных еще 1 ружье и 1 пику и 2 пистолета» [9, л. 19]. 8 августа поступили «в приход» деньги от «Казанского 1-й гильдии купца Мусы Измайлова Апанаева», «представленные» им от «торговцев по мыльному ряду, пожертвовавших нижеозначенными суммами на строящееся ополчение»³ [9, л. 21] (см. Приложения, Список 1). Вскоре поступили пожертвования и от торговцев «по татарскому ряду»⁴, «пожертвовавших нижеозначенными суммами на настоящее ополчение» [9, л. 23], которые «курировал» тот же купец М.И. Апанаев (см. Приложения, Список 2). В августе же старостой «напиточного ряда» московским 1-й гильдии купцом Ф.Ф. Львовым было собрано и «внесено» 2050 руб., «а с кого сколько значится под сим»⁵ (см. Приложения, Список 3). По совершении ряда корпоративных пожертвований, была составлена «объединительная» ведомость конторы строения Макарьевского гостиного двора (принимавшего все пожертвования) «о внесенной во оную суммы, пожертвованной на настоящее ополчение торгующим на Макарьевской ярмонке купцами» [9, л. 29] и зафиксированы «промежуточные» результаты кампании ярмарочных пожертвований на 13 августа 1812 г. (см. Приложения, Список 4).

27 августа стало известно о «сверхкрупных» пожертвованиях со стороны «первостатейных» (1-й гильдии) купцов: московского – Н.Л. Старикова, обязавшегося доставить сукна на сумму 20 тыс. руб. [9, л. 78], и вольского – Л.И. Расторгуева на сумму 50 тыс. руб. [9, л. 78]. «Пример» этих жертвователей, очевидно, подействовал, и несколько позднее, 12 сентября, в комитет пожертвований поступило отношение нижегородского купца А.И. Костромина, в котором тот заявил о своем желании также сделать

крупное пожертвование размером в 20 тыс. рублей [8, л. 73]. Следует отметить, что ни в один «местный» список не было внесено записи об одном из крупнейших «частных» пожертвований за все время Отечественной войны: заводчик И.Р. Баташев предоставил, помимо исполнения многих заказов по сниженной цене, «разное оружие, как-то: пики, снаряды, бомбы, ядра разных калибров, гранаты, шанцевые инструменты» на общую сумму свыше 150 тыс. руб.⁶ [10, с. 104]. Согласно отношению А.С. Крюкова в комитет пожертвований от 3 сентября 1812 г., московский купец Д. Боткин передал ему «пожертвованные собственно от него 1000 руб., да собранные им по подписке от торговавших в Сибирской линии 4200 руб., а всего пять тысяч двести рублей ассигнациями» [8, л. 16–16об.]; в начале сентября 1812 г. пожертвование в 100 руб. сделал «московской купец» П.Ф. Грязев [8, л. 111].

Весьма значительные суммы поступили в комитет пожертвований от нижегородской духовной консистории, взявшей на себя централизованные функции сбора средств от приходов губернии. 20 августа в губернском правлении было заслушано «сообщение» консистории, «коим вследствие Указа Святейшего Правительствующего Синода, приглашающего преосвященных епархиальных архиереев, монастырских настоятелей и прочее духовенство к пожертвованию в пособие на составление новых сил или лично от себя, или от архиерейских домов и монастырей деньгами, серебряными и золотыми вещами, без всякого употребления лежащими» [11, л. 275–275об.]. Но еще до указа Святейшего Синода, консистория развернула в губернии широчайшую деятельность по сбору необходимых пожертвований в приходах губернии, которые собирали по своим ведомствам «благочинные» (см. Приложения, Список 5). Всего с 10 августа по 1 сентября 1812 г. от нижегородской духовной консистории в комитет пожертвований «на новое ополчение противу врага Отечества» поступила сумма в 26898 руб. 90 коп. «А сверх того: 1) Золотых червонцев: российских 2 и голландских 16; 2) 1 собственный Архимандричий крест с цепочкою серебряные позолоченные, в коих весу 25 золотников 3) 1 пистолет» [8, л. 105]. Но это был только промежуточный итог сбора финансовых средств, поскольку «эпопея» пожертвований от духовных лиц продолжалась. В период со 2 по 13 сентября от консистории поступила дополнительная сумма в 2173 руб. 28 коп., «да сверх сего 7 золотых червонцев» [8, л. 132об.]. В конце сентября 1812 г., были осуществлены новые «транши» пожертвований, в результате

чего общая сумма взносов, поступившая от консистории в период с 10 августа по 30 сентября 1812 г., составила внушительные 30329 руб. 18 коп.⁷ [12, с. 101–102].

С начала августа 1812 г. списки пожертвований от купеческих и мещанских обществ стали представлять в комитет пожертвований и «градские думы» губернии. От балахнинской градской думы был представлен следующий список с именами и суммами пожертвований⁸: Купцы: 1. Городской голова И. Самочернов – 700; 2. П.С. Заев – 1000; 3. И. Латышев – 250; 4. С. Зеленихин – 250; 5. В. Нестеров – 100; 6. П. Минин – 100; 7. П. Плотников – 100; 8. М. Еванисов – 100; 9. Г. Рябунин – 100; 10. Ф. Ряхин – 50; 11. С. Ряхин – 60; 12. П. Редозубов – 50; 13. А.И. Ряхин – 25; 14. Д. Окулов – 100; 15. А. Прянишников – 200; 16. И. Бельский с братьями – 50; 17. А. Щепетильников – 50. Мещане: 18. А. Бердников – 100; 19. В. Редозубов – 50; 20. П. Щепетильников – 10; 21. В. Ряхин – 10; 22. А. Кожевников – 25; 23. В. Бармин – 5; 24. Я. Крылов – 25; 25. И. Шулындин – 50; 26. Я. Щуров – 10; 27. Ф. Ряхин – 150; 28. Д. Калашников – 25; 29. Я. Каширин – 15; 30. Г. Калашников – 10; 31. С. Деревянкин – 5; 32. Я.П. Крылов – 30; 33. А. Минин – 100 [8, л. 28–29]. От думы г. Арзамаса, в конце августа – начале сентября 1812 г. был представлен очень внушительный список индивидуальных пожертвований⁹: от арзамасских купцов поступило 24175 руб.; от мещан – 4025 руб. 25 коп. [8, л. 112–122]. Позднее пожертвования внесли еще несколько арзамасских жителей, а именно: «Живущий в городе Арзамасе гвардии прапорщик Н.С. Бутурлин медною монетою» [8, с. 152] – 5000 руб. и мещане: В.А. Сопегин – 2; И.И. Ломоносов – 2; А.Л. Соболев – 1; С.Я. Иконников – 0.60; В.Е. Бубнов – 3; Н.К. Попов – 4; А.И. Волков – 2; И.Д. Пономарев – 2; Н.Д. Цыбышев – 2; Т. Степанов – 1; И.А. Журавлев – 3; С.К. Скворцов – 15; «вдова А.Ф. Скорнякова» – 100; И.Л. Алилуев – 50 [8, л. 152]. В одном списке пожертвований вместе с арзамасскими мещанами значились и мещане перевозские: А. Кузнецов – 5; К. Грязнов – 5; С. Яшуткин – 3; П. Иванов – 2; С. Степанов – 2; Д. Попов – 1, сдавшие в сумме 18 руб. [8, л. 123]; несколько позднее пожертвование сделал купец И.С. Ягодинский [8, л. 112]. В начале сентября был сдан список семеновских купцов и мещан, где была зафиксирована сумма пожертвований в 671 руб. В конце сентября 1812 г. А.С. Крюковым был составлен реестр «предварительных» результатов пожертвований со всех сословий и корпоративных сообществ, согласно которому общая сумма собранных на ополчение денег состави-

ла 153941 руб., что выглядело весьма внушительно, но явно недостаточно для полного обеспечения ополчения [12, с. 103]. В начале октября 1812 г. был составлен «Реестр коликое число и с кого именно собрано с нижегородских купцов пожертвований на отражение неприятеля» [8, л. 171–172], согласно которому нижегородские купцы (без указания гильдии) сделали взносы на сумму 17505 руб.; купеческий список дополнял «реестр нижегородским мещанам» [8, л. 173], также сделавшим свои пожертвования на сумму 1525 руб. Жертвователи Ардатова в октябре 1812 г. представили свой список, отображающий наиболее подробно, с росписью дней и месяцев, структуру пожертвований с их стороны [8, л. 177] на общую сумму 326 руб.; в «Именном списке города Горбатова купечествующих...», также пожертвовавших на ополчение [8, л. 181–181об.], значилось 1198 руб. В октябре же 1812 г. в комитет пожертвований поступили деньги из Сергача [8, л. 184], оказавшиеся самыми незначительными взносами среди всех уездных городов губернии, а именно 96 руб. 50 коп. В ноябре 1812 г. дополнительный сбор пожертвований провели нижегородские купцы и мещане [8, л. 205], собрав дополнительно первые – 9525 руб.; вторые – 445 руб. 10 декабря 1812 г. список пожертвований от Нижнего Новгорода был дополнен еще раз [8, л. 239–240] на сумму 8580 руб. В октябре же 1812 г. был представлен «реестр города Макарьева купцам и мещанам» [8, л. 309–309об.], сдавшим пожертвования на сумму 865 руб.

Представителей дворянского сословия, выжавшихся, помимо обязательных дворянских «владельческих» пожертвований, внести дополнительный финансовый вклад на «построение ополчения», было всего 6 чел: действительный статский советник князь А.В. Урусов (внес 2000 руб.) [9, л. 78]; надворный советник С.Я. Поскочин (1000 руб. «и во все время существования. – Д.Н.) сего ополчения обязывается вносить по 1000 руб. (ежегодно. – Д.Н.) [9, л. 78]; гвардии прапорщик Н.С. Бутурлин «медною монетою» – 5000 руб.; «лукояновский дворянский заседатель» Симанский – 200 руб. [8, л. 136]; столоначальник нижегородской казенной палаты, титулярный советник А. Лазарев – 66 руб. 66 коп. [8, л. 63] и «статская советница Шарлотта Густавовна Захарьина» [8, л. 391], внесшая «натуральное» пожертвование – 26 аршин ткацкого полотна. Собственно «натуральных» пожертвований (и жертвователей) было немного: упомянутая Ш.Г. Захарьина; «от консистории, жены священника Л. Петрова и пономаря А. Лукьянова сестры его Татьяны посконного холста 54 аршина» [13, л. 83]; «От купцов Васи-

лия и Якова Овсянниковых белых барабанных кож 80 штук» [13, л. 83]; много раз упомянутый позднее в отчетах «наперсный Архимандричий крест с цепочкою серебряной позолоченной весом 25 золотников», а также несколько единиц холодного и огнестрельного оружия.

Среди сданных «обществами» денег попадались фальшивые ассигнации, на что было обращено внимание губернатора, под руководством которого происходил обмен подобных денег на настоящие [8, л. 223]; такое же уведомление получил комитет пожертвований и от вице-губернатора [14, л. 9]. Ввиду появления в обращении фальшивых денег, многие лица и ведомства, сдающие пожертвования, стали переписывать, для лучшего контроля, номера ассигнаций [14, л. 8–9]. Поскольку, как уже пояснялось ранее, многие средства не были собраны «де-факто» сразу на местах, а были «обещаны» по «подписке», то неизбежно возникали вопросы о затягивании выплат (либо стремлении избежать выплат с связи с дальнейшим «позитивным» развитием военно-политической ситуации). В январе 1813 г. на это было обращено внимание губернатора А.М. Руновского, который потребовал скорейшего выполнения финансовых обязательств со стороны всех «подписчиков», не принимая во внимание никаких причин, обстоятельств и отговорок [8, л. 287].

Первые итоговые цифры пожертвований¹⁰ по уездам Нижегородской губернии стали известны по статистическим данным от февраля 1813 г.; в качестве «стоимостных» объектов учета фигурировали: обмундирование полков, их обеспечение трехмесячным продовольственным запасом, количество лошадей (с упряжью) «под артиллерию» и в «подвижной магазейн», а также количество обозных повозок в тот же «магазейн»: В «Исчислении о пожертвованиях по Нижегородской губернии на военные надобности» [15, л. 185] значилось: «Нижегородский уезд: деньгами на обмундирование полков и снабжение оных обозами – 37943 руб.; хлеба собственного: сухарей – 346 пудов 20 фунтов, круп – 6 четвертей, овса – 63 четверти; лошадей: под артиллерию – 16; подвод на станциях: в армию в подвижной магазейн – 96; повозок с конскою упряжью в подвижной магазейн – 44; всего пожертвования составляют деньгами, за исключением хлеба, поступившего с сельских магазейнов – 58404 руб. 33 коп.» [15, л. 185]. После «счисления» аналогичных данных по всем уездам губернии резюмировалось, что «всего: деньгами на обмундирование полков и снабжение оных обозами – 258402 руб.; хлеба собственного: сухарей – 3299 пудов, круп – 56 четвертей, овса – 600 четверти; лошадей: под

артиллерию – 130; подвод на станциях: в армию в подвижной магазейн – 900; повозок с конскою упряжью в подвижной магазейн – 408; всего пожертвования составляют деньгами, за исключением хлеба, поступившего с сельских магазейнов – 469046 руб. 23 коп.» [15, л. 185]. К ведомости прилагалась «Смета ценам, по которым полагаются пожертвования Нижегородской губернии на военные надобности» [15, л. 185об.]. Списки общей кампании пожертвований 1812–1814 гг. стали составляться в сентябре 1813 г. и для «пропечатания оного в Московских ведомостях» (и «Санкт-Петербургских ведомостях»), где публиковались сведения обо всех пожертвованиях, сделанных в Российской Империи. Самый первый подобный список содержал некие «избранные места» из общей массы жертвующих лиц, городов и сообществ [8, л. 392]. 11 сентября 1813 г. нижегородскому губернатору была «препровождена» «Выписка пожертвованиям на составление, образование и содержание военных ополчений Нижегородской губернии» [16, л. 8–11], содержащая в себе несколько иные объекты учета и их оценки (см. Приложение, Список 6). Как видно, в представленной ведомости получили конкретную денежную оценку общее количество провианта, фуража и сданных лошадей, а также учитывалось количество «сданных» ратников, т.е. понятие «пожертвований» как таковых приобретало более широкий смысл, нежели простая сдача денег различными «обществами». Можно также заметить, что ведомость эта не только «приходная», но и отчасти «расходная». В ноябре 1814 г. государственный контролер барон Кампенгаузен обратился, по поручению Комитета министров, к нижегородскому губернатору с требованием о составлении финансовых отчетов уполномоченными структурами ополчения и присылке этих отчетов к нему [17, л. 1]. Черновой вариант отчета для контролера представлен в Приложении (Список 7).

9 апреля 1815 г. в нижегородскую казенную палату и государственному контролеру (Кампенгаузену) от комитета ополчения были направлены самые подробные финансовые отчеты обо всех приходо-расходных средствах за всю «жертвовательскую» кампанию 1812–1814 гг. Согласно им, если суммировать наиболее обобщенные данные, то индивидуальные («частные» и «внеплановые») пожертвования представителей дворянства губернии составили 9414 руб. 41 коп. [18, л. 10]. Общая сумма средств, отправленная в комитет пожертвований духовной консисторией, составила 29770 руб. 18 коп.¹¹ [18, л. 11]. Средства, собранные «с купцов и мещан», представляли в своих отчетах «градские думы»; «особо» пожертвовавшие от

тех же обществ купцы указывались отдельной строкой: «Первой гильдии купца Костромина государственными ассигнациями 10000 и на такую же сумму государственного заемного банка билет на имя его ... данной с следующими на ту сумму процентами: 10 000 руб. (таким образом, казначейский билет Костромина составил, с процентами, 10351 руб. – Д.Н.) [18, л. 12]; от Нижегородской градской думы, с присоединением денег «от купцов Беспалова и Самойлова (200 руб.), общая сумма составила 35280 руб.¹² [18, л. 13]; от Арзамаса: пятью «траншами» от «общества» в 1812–1813 гг., «от купца Скоблина» и «от купеческой жены Кочешковой» – 28466 руб. [18, л. 15]; Балахны – 3430 руб. [18, л. 16]; Семенова – 635 руб. [18, л. 17]; Василя – 1035 руб. [18, л. 17]; Ардатова – 326 руб. [18, л. 17]; Горбатова – 1191 руб. 62 коп. [18, л. 17]; Сергача – 96 руб. 50 коп. [18, л. 17]; Лукоянова – 263 руб. 50 коп. [18, л. 17]; Макарьева – 835 руб. 69 коп.¹³ [18, л. 18]. «Иногороднее купечество» Макарьевской ярмарки внесло, согласно отчету, 72746 руб.¹⁴. Общая сумма денежных пожертвований в кампанию 1812–1814 гг. «ассигнациями, золотом и серебром по курсу и медною монетою» составила 264024 руб. 90 коп. [18, л. 18]. К этой сумме следует добавить деньги, «поступившие разными случаями»¹⁵ [18, л. 18] – 4460 руб. 19 коп. и общая, на сей раз окончательная, сумма пожертвований составила 268485 руб. 93 коп.¹⁶, но следует отметить, что в отчете за 11 сентября фигурирует сумма 287370 руб. 12 коп. [16, л. 8].

Располагая многими статистическими данными, можно сосчитать (но лишь приблизительно, учитывая разночтения в подсчетах по разным ведомостям, «двойную бухгалтерию» и не выясненную до конца «смысловую нагрузку» многих объектов учета¹⁷) общие финансовые расходы на организацию нижегородского ополчения, если добавить к сумме пожертвований «от разных обществ и лиц» (268485 руб., или 287370 руб.)¹⁸ сумму, в которую обошлось снаряжение и обмундирование полков, «снабжение оных обозами» вкуче с расходами на формирование «подвижного магазейна» и на покупку лошадей для артиллерийских рот (469046 руб.) [15, л. 185]. К этим приблизительным оценочным суммам необходимо добавить стоимость пожертвованного дворянами оружия, принадлежностей к нему, прочего военного инвентаря (101636 руб.), и общая полученная, опять же приблизительная, сумма составит 858052 руб. Данные цифры коррелируют со сведениями (в форме историко-статистической справки), которые много позже, в 1836 г., дал А.С. Крюков нижегородскому военному губернатору М.П. Бу-

турлину о сборе нижегородского ополчения и затратах на его формирование. По справке Крюкова, общий размер пожертвований «деньгами и вещами» составил свыше 875000 руб.¹⁹. Еще один вариант «исчисления» общей суммы пожертвований привел в своем труде исследователь В.И. Бабкин: ссылаясь на фонды ЦГВИА (ныне – РГВИА), он определил сумму пожертвований на ополчение от Нижегородской губернии в 1090000 руб. [10, с. 105], что представляется крайне спорным по факту рассмотренных ранее объектов и параметров учета, тем более что в этой же части его труда (о пожертвованиях) приводятся совершенно неверные сведения о собранных от губернии деньгах «в пользу армии» – 469046 руб. [10, с. 108], что является неправильной интерпретацией вышеприведенного финансового отчета от февраля 1813 г. [15, л. 185]. На основании фактов и цифр, порой приблизительных, можно предположить, что В.И. Бабкин интерпретировал некие общие суммы военных расходов губернии в совокупности как пожертвования именно на ополчение²⁰.

Подводя общий итог кампании пожертвований 1812–1814 гг., необходимо отметить, что она была достаточно организованной, массовой и привела к положительным и весомым результатам в области необходимых приобретений для «военных надобностей». По количеству собранных наличных средств лидирующей в этом отношении социальной группой оказалось, что не удивительно, «иногороднее купечество» Макарьевской ярмарки, весьма кстати оказавшееся «в нужном месте» и «в нужное время». Приводимые в тексте списки жертвователей от купечества наглядно иллюстрируют количество и персонифицированное «качество» внесенных средств; в качестве особого благотворительного деяния были учтены отдельным списком самые крупные купеческие пожертвования (Н.Л. Старикова, Л.И. Расторгуева, А.И. Костромина²¹).

Одной из самых массовых (по количеству жертвующих) и эффективных (по количеству пожертвований) стала «акция» нижегородской епархии. Именно пожертвования «от консистории» предоставлялись наиболее организованно; имели самое подробное и грамотное фиксирование в отчетных документах, отличались дифференцированностью «по сану», «причтам», приходам и населенным пунктам, «окормлявшихся» духовным ведомством. Основную массу пожертвований от церкви собирали «благочинные» по церковным участкам, включавшим в себя группы приходов, отличавшихся, судя по всему, высокой внутренней дисциплиной. Необходимо отметить и такой факт: несмотря

на наличие к 1812 г. в губернии 26 мечетей [19, с. 294], пожертвований, внесенных от исламских общин, в документах не зафиксировано.

Также массовыми, но разнородными по своим результатам следует охарактеризовать пожертвования «от градских обществ». Наибольшее количество купцов, мещан и «цеховых» представлено в «пожертвованных списках» от Арзамаса и Нижнего Новгорода, оказавшихся вне конкуренции среди городов губернии как по количеству жертвующих, так по суммам сборов. Следует отметить чрезвычайно большой разброс итоговых сумм по уездным городам, который подчас невозможно объяснить лишь разницей в количестве населения, характером его занятий и уровнем его благосостояния; оставляют вопросы для дальнейших исследователей как схожесть сумм, собранных от Нижнего Новгорода и Арзамаса, так и ничтожность пожертвований от Сергача (96 руб. 50 коп.).

Следует также отметить ничтожно малое количество «частных» взносов от представителей дворянства, которое можно объяснить лишь тем, что именно дворянство приняло на себя *обязательные и самые большие коллективные платежи* для созидания ополчения, носящие, лишь по исторической традиции (и иронии судьбы, но не по своей сути) название «добровольные пожертвования». Отметим также практически полное отсутствие в документах упоминаний об индивидуальных пожертвованиях со стороны представителей крестьянских обществ (за исключением имен С.А. Соловьева, Ф. Егорова и М. Яковлева [8, л. 91]). Это также можно объяснить тем, что крестьяне (крепостные в особенности), несмотря на поощряемый «сверху» «низовой мужицкий» патриотизм, не имели права самостоятельного «патриотического действия» либо «набор» этого действия был чрезвычайно ограничен. По большому счету, жертвовали не они – жертвовали ими. Малограмотная и зависимая крестьянская среда в эту эпоху не воспитывала ура-патриотов, готовых отдать последнее, ибо это «последнее» и его самого могли «взять» по воле господина и властей. Этим объясняется и малое количество добровольцев в ополчении из крестьянской среды²² [20, с. 77]. Еще одной версией малого количества зафиксированных в документах крестьянских добровольных взносов, следует считать то обстоятельство, что если пожертвования и были, то удобнее всего их было вносить «по месту жительства» и самым удобным таковым местом являлся церковный приход. Таким образом, фиксируя многочисленные пожертвования от «причта» различных приходов губернии, возможно, мы имеем дело не только со

взносами церковников, но и со «скрытыми» в них пожертвованиями крестьян.

Необходимо отметить и еще один «скрытый» аспект кампании пожертвований. В исторической литературе, посвященной нижегородскому (и не только) ополчению, наблюдаются порой неумеренные и ничем не обоснованные восторги по поводу размаха и масштабов пожертвований, поскольку-де в эту эпоху «одухотворенность» народа (в целом) высоким патриотическим чувством достигла своего апогея и люди, без различия сословий, отдавали последнее «супротив врага Отечества». Об этой «одухотворенности», правда, не упоминали дореволюционные исследователи темы: А.К. Кабанов [21], С.И. Архангельский²³ [7] и В.Р. Апухтин [22], но начали утверждать, на фоне изменившегося общественно-политического «тренда» (в советское, послевоенное время) в своих трудах Е.Ф. Селиванова [23] и В.И. Бабкин [24]; несколько позднее В.И. Бабкин в другой, более известной своей работе, утверждал, что «добровольный сбор денежных средств, продовольствия, вооружения, обмундирования, амуниции явился примером яркого проявления народного патриотизма» [10, с. 100]. Интерпретация В.И. Бабкиным факта сбора пожертвований как «примера яркого проявления народного патриотизма»²⁴ с момента своего «рождения» начинает свое дальнейшее «победоносное» шествие, «кочуя» из исследования в исследование. Изображаемая же в этих исследованиях пафосная героика факта «народных пожертвований» была вполне объяснима, например, в годы Великой Отечественной войны необходимостью поиска «связующей нити» народного подвига, объединяющей разные эпохи, когда вышли в свет в местной периодической печати статьи того же С.И. Архангельского [25, с. 4], Л. Каптерева [26, с. 4], Н. Логинова [27, с. 4] и Л. Семенова [28]. Но и в послевоенные годы, и много позднее тезис о «ярком проявлении народного патриотизма» (в виде сданных «добровольных пожертвований») нисколько не «потускнел» и был «упрочен» в работе С.Н. Зубкова и Е.А. Калыгановой [29, с. 171–175], трудах А.Н. Лушина (вышедших в журнале «Нижегородская старина» [30] и отдельным изданием [31]), трудах Ф.Б. Дроздова (вошедших в коллективную монографию, посвященную нижегородскому ополчению [32, с. 95–123] и книгу воспоминаний Э.Г. Эрстрема [33, с. 239–294]), а также во множестве газетно-журнальных публикаций и краеведческих изданий, принадлежащих перу Н.М. Добротвора [34], И. Ермолаева [35], А. Рамова [36], В. Щенникова [37, с. 14], В.А. Громова [38, с. 39–42], С.Н. Коршака [39,

с. 250–255], С. Игонькина [40, с. 13], В.Г. Сироткина [41] и многих других авторов.

Вполне понимая и разделяя частичку «гражданственного пафоса» авторов, все же следует заметить: львиная доля взносов на формирование ополчения была сделана со стороны дворянства не «по велению души», а по прямому приказу царя и при поддержке этого решения всей вертикалью власти, а на местах – губернскими дворянскими собраниями – и потому, при всей причудливости и архаичности словесных формулировок, эти взносы *абсолютно не могут* (как отмечалось выше) *считаться настоящими добровольными пожертвованиями, поскольку это были обязательные, фиксированные, массовые по исполнению и строго сословные платежи.*

Пожертвования от купечества, иногороднего и местного, также не могут считаться добровольными в полном смысле этого слова. Мы не можем подкрепить этот тезис непосредственно документами ЦАНО, но многочисленные работы по данной проблематике, посвященные как купечеству России в целом (например, работа П.А. Берлина [42]), так и купечеству губерний III ополченческого округа, куда и входило нижегородское ополчение (труды Л.М. Спиридоновой [43], С.В. Белоусова [44]), а также торговому сословию прочих губерний страны (работы Л.Г. Белковской [45], А.М. Семеновой [46], В.П. Бойко [47], Н.В. Середы [48] и многих других исследователей), позволяют с уверенностью утверждать, что «подписка» на «добровольные» взносы для купечества была отнюдь *не добровольной, а обязательной, с фиксируемым минимумом* и с большой дифференциацией по разным губерниям относительно принадлежности «подписчика» к конкретной купеческой гильдии и, соответственно, размерам его капитала. Конечно, необходимо иметь в виду и другие, «моральные» аспекты взносов, сделанных купцами: повышение их авторитета в административно-чиновничьих кругах и возможность грядущих торговых (и не только²⁵) преференций²⁶.

Обращает на себя внимание схожесть размеров взносов, полученных от «причтов» и приходов губернии, что является косвенным признаком того, что происходило предварительное разверстание сумм, которые предполагалось получить «с мест», и имело место «фьючерсное» и «перспективное» финансовое планирование. Следовательно, можно также предположить, что и в этом случае пожертвования носили *добровольно-принудительный характер*²⁷. Практически мало подлежит сомнению и факт такого же разверстания сумм в мещанской среде; особенно это заметно по спискам взносов от

мещанских обществ Нижнего Новгорода и Арзамаса, где явно видны однородные, в массе своей, но все же порой различающиеся суммы пожертвований, также дифференцированные в зависимости от имущественного положения жертвователей. Исходя из приведенного комплекса выводов о характере и условиях пожертвований по сословиям и корпоративным группам, можно предположить, что лишь *очень незначительная часть собранных средств может претендовать на звание «настоящих» добровольных пожертвований.*

Несколько выводя повествование за рамки избранной темы, следует отметить, что прямые и косвенные расходы Нижегородской губернии в эпоху 1812 г., связанные с реализацией Россией конкретных военно-политических задач, были (как и в других губерниях) чрезвычайно велики и подсчитать их на основании сохранившегося комплекса источников не представляется возможным. Отметим только, что в общий «жертвовательный реестр» следует занести расходы не только на организацию ополчения, а до этого – на формирование уже упоминавшихся егерского и пехотных полков, но и на организацию и обеспечение всем необходимым гигантского «подвижного магазейна» (передвижного продовольственно-фуражного склада-обоза), обслуживавшего многотысячные армии на западном направлении. Кроме того, на территории Нижегородской губернии были сформированы 12 полков нового рекрутского набора; в Арзамасе формировались полки резервной армии Д.И. Лобанова-Ростовского; всего же, без учета ополченских соединений, только в сентябре 1812 г. в губернии находились на постое 26 полков [49, л. 16–16об.], часто содержавшихся «по квитанциям»²⁸ «от обывателей». В Нижнем Новгороде также находились переведенные из Москвы военные структуры со своим штатом (комиссариатское депо, артиллерийское депо и пр.), также пользовавшиеся инфраструктурой и средствами губернии; размещались многочисленные штабы: ополченские, армейские полковые, дивизионные, корпусные. Во многом на средства жителей губернии существовали больницы и лазареты (которые были заполнены не только ратниками, но и рекрутами многочисленных полков), а также штат медицинских служителей. Следует учесть и то обстоятельство, что в 1812–1813 гг. и позднее на территории губернии осуществлялся огромных масштабов военный транзит, связанный с перемещением большого количества воинских подразделений (которым также предоставлялись ночлег и питание по «квитанциям») и перевозкой большого объема военных грузов, что требова-

ло задействования гужевого и речного транспорта. Через территорию Нижегородской губернии проходили далее вглубь страны большие партии военнопленных, которым также требовалось соответствующее материальное и транспортное обеспечение. Именно в Нижнем Новгороде обрело временное пристанище множество казенных, военных, культурно-просветительских, финансовых и прочих ведомств, переведенных не только из Москвы, но и из многих западных губерний страны [50, л. 96]. Нельзя сказать, что все они содержались исключительно за местный счет, но, без сомнения, материальный вклад нижегородцев в их обеспечение был очень значительным. Наконец, в 1812–1814 гг. в стране проходила массовая кампания сбора помощи «разоренным от войны», в которой нижегородцы также принимали заметное участие [12, с. 305–306]. Все перечисленное (а перечислено далеко не все) является гигантским вкладом нижегородцев в дело конечной победы и обеспечения геополитических интересов Российской империи; весомой страницей исторической памяти, которую необходимо изучать и чтить.

Список литературы

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.1 822. Оп. 1. Д. 18.
2. Дорофеев Ф.А., Николаев Д.А. Особенности формирования офицерского корпуса в нижегородском ополчении 1812 г. // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 121–128.
3. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-политические науки. 2018. № 2 (99). С. 115–119.
4. Хвостова И.А., Николаев Д.А. «... Упражняются ... в пьянстве и буйстве ...»: формирование и девиантные особенности походного марша 3-го полка нижегородского ополчения (сентябрь 1812 – июнь 1813 гг.) // История: факты и символы. 2019. № 4 (21). С. 27–36.
5. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году // Военно-исторический журнал. 2019. № 2. С. 75–79.
6. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 1587.
7. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК). Т. 18 // В память Отечественной войны 1812 года. Материалы по истории Нижегородского края в эпоху Отечественной войны 1812 г. Вып. I. Финансы / Под ред. С.И. Архангельского. Н. Новгород: Тип. «Нижегородское печатное дело», 1916.
8. ЦАНО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 4.
9. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4 (Т. 1). Д. 116.
10. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М.: Соцгиз, 1962. 213 с.
11. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 42 (1812 год). Д. 10.

12. Нижегородская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: сборник документов / Сост. Е.Э. Лебедева, Д.С. Мочалов, Я.М. Хорошкин. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. 360 с.
13. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 235.
14. ЦАНО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 9-а.
15. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4 (Т. 1). Д. 162.
16. ЦАНО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 38.
17. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 192.
18. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 235.
19. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 416 с.
20. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 67–77.
21. Кабанов А.К. Ополчение 1812 г. // Отечественная война и русское общество: 1812–1912: Юбил. изд.: В 7-ми т. Т. 5 / Под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета; Историческая комиссия Учебного отдела ОРТЗ. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. С. 43–74.
22. Апухтин В.Р. Нижегородское дворянское ополчение в 1812–1814 гг.: краткий очерк и материалы о формировании нижегородской военной силы и о действиях полков Нижегородского ополчения в 1813 г. за границей. М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1912. 65 с.
23. Селиванова Е.Ф. Нижегородское народное ополчение 1812–1814 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1948. 150 с.
24. Бабкин В.И. Нижегородское ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1947. 152 с.
25. Архангельский С.И. Ополчение 1812 года // Горьковская коммуна. 1941. 31 июня. С. 2.
26. Каптерев Л. Нижегородцы в Отечественную войну // Ленинская смена. 1941. 15 июня. С. 3.
27. Логинов Н. Нижегородцы в народном ополчении 1812 г. // Горьковская коммуна. 1941. 10 августа. С. 2.
28. Семенов Л. Нижегородское ополчение 1812 г. // Ленинская смена. 1941. 15 августа. С. 2.
29. Зубков С.Н., Калыганова Е.А. Нижегородское ополчение 1812–1814 гг. // Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гуманитарного центра, 1994. С. 171–175.
30. Лушин А.Н. Нижегородское народное ополчение в 1812–1814 гг. // Нижегородская старина: краеведческо-историческое издание. 2010. Вып. 23–24. С. 111–117.
31. Лушин А.Н. Нижегородское народное ополчение в 1812–1814 гг. Урок российского патриотизма. Н. Новгород: Бегемот, 2012. 22 с.
32. Дроздов Ф.Б. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах // Отечественная война 1812 года. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. Н. Новгород: НО ИРИ РАН, 2012. 138 с.
33. Дроздов Ф.Б. Нижегородское ополчение в Заграничном походе 1813–1814 гг. // Эрстрем Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород / Сост. Г.М. Коваленко, А.А. Кузнецов; Пер. А.М. Галиновой; под ред. С.Н. Исколюя, Г.М. Коваленко; вступ. ст. Г.М. Коваленко, А.А. Кузнецова; комментарии С.Н. Исколюя, Г.М. Коваленко, А.А. Кузнецова, А.В. Морохина. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 239–294.
34. Добротвор Н.М. От Волги до Эльбы (боевой путь нижегородского ополчения) // Горьковская правда. 1962. 18 октября. С. 3.
35. Ермолаев И. Патриотизм предков // Горьковский рабочий. 1962. 18 октября. С. 3.
36. Рамов А. Нижегородские ополченцы // Горьковский рабочий. 1962. 14 июля. С. 3.
37. Щенников В. Недаром помнит вся Россия... // Земля нижегородская. 1992. 6 сентября. С. 14.
38. Громов В.А. Сергачское притяжение: историко-краеведческие очерки. Н. Новгород: Штрих, 1996. 160 с.
39. Коршак С.Н. Солдаты Отечества 1812 года // Борское отечество мое. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского института экономического образования, 1998. 314 с.
40. Игонькин С. Ополченцы-арзамасцы // Земля нижегородская. 2001. № 38. С. 12.
41. Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 года. М.: Просвещение, 1988. 252 с.
42. Берлин П.А. Русское купечество и война 1812 г. // Отечественная война и русское общество. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. 5. С. 114–120.
43. Спиридонова Л.М. Комитет пожертвованных: функции и роль в формировании ополчения 1812 г. в Пензенской губернии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9–2 (23). С. 162–165.
44. Белоусов С.В. Купечество Среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3 (77). С. 59–63.
45. Белковская Л.Г. Участие калужского купечества в войне 1812 года // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года: Материалы научной конференции. Малоярославец: Малоярославецкий военно-исторический музей, 1994. С. 112–116.
46. Семенова А.М. Документы ЦИАМ о пожертвованиях московских купцов во время Отечественной войны 1812 года // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 55–59.
47. Бойко В.П. Отечественная война 1812 года и томское купечество // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 17–20.
48. Середа Н. Война 1812 года в дневниках тверских купцов // Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года: Сб. материалов историко-краеведческой конференции. Тверь: Лилия принт, 2002. С. 72–80.
49. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 117.
50. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 56.

51. Богородицкая Н.А. Макарьевско-Нижегородская ярмарка. Очерки истории. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. 221 с.

52. Погодин М.П. Дорожные записки // Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка в воспоминаниях современников. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. С. 88–92.

53. Сениюткина О.Н., Загидуллин И.К. Нижегородская ярмарочная мечеть – центр российских и зарубежных мусульман (XIX – начало XX вв.). Н. Новгород: Медина, 2006. 176 с.

54. Таиров Н.И. Татарские предприниматели на Всероссийских ярмарках (вторая половина XIX – начало XX веков) // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 1. С. 92–99.

55. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 547 с.

56. Николаев Д.А. Влияние сословно-корпоративных факторов на развитие добровольческого движения по вступлению в нижегородское ополчение в 1812 г. // Вопросы исторического и экологического регионоведения: Сб. ст. участников региональной научно-практ. конф. / Науч. ред. А.А. Исаков; отв. ред. В.И. Грубов. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. С. 60–65.

мовский Мурза Ахмет Деветьгилдеев³² – 200; 14. Казанский купец Абдухарим Бакиров – 100; 15. Арский купец Мухамет Рахим Валотов – 100; 16. Арский купец Муртиза Бурнаев – 100; 17. Казанский татарин Халит Амиров – 100; 18. Касимовский Тимор Пулит Макрютов – 100; 19. Казанский купец Халит Беляев – 30; 20. Казанский купец Муса Якулов – 25; 21. Арский купец Хамза Губаев – 25; 22. Арский купец Муса Назиров – 20; 23. Арский купец Махмут Назиров – 25; 24. Арский купец Абдул Халит Ибраев – 25; 25. Арский купец Мухмин Тагиров – 25; 26. Арский купец Сулеман Назиров – 25; 27. Абзелил Галлеев – 25; 28. Касимовский Салих Шакулов – 100; 29. Бухарец Мустафа Ишиндаев – 25; 30. Сеитовский первой гильдии купец Мухамет Гали Хабибулин – 100; 31. Мамадышевский купец Муни-сыл Аблаков – 25; 32. Калужский купец Аким Петров Свешников – 100; 33. Переславский купец Алексей Столбов – 50; 34. Оренбургский купец Григорий Асоргин³³ – 50; 35. Московский ямщик Андрей Мяхлов – 50; 36. Графа Шереметева крестьянин Василий Савин – 25; 37. Сеитовский Хабибула Габайдулин – 25; 38. Тюменевский купец Андрей Прасилов – 20; 39. Тюменевский купец Федор Барышков – 25; 40. Курский купеческий сын Федот Филитров – 5; 41. Абдул Латиф Аббасов – 10; 42. Казанский купец Габайдула Сукров – 50; 43. Халит Исаков – 10. Всего: 5245 руб.»³⁴.

Приложения

Список 1

Один из многих списков «жертвующих» торговцев мыльного ряда выглядел следующим образом: «1. Казанской первой гильдии купец А. Юнусов – 200; 2. Казанской первой гильдии купец Ю. Катаев – 200; 3. Казанской именной гражданин А. Квасников – 100; 4. Казанской купец Ахмет князь Заманов – 100; 5. Казанской первой гильдии купец Жарков – 100; 6. Казанской купец Я. Шагунов – 100; 7. Казанской купец П. Квасников – 50; 8. Казанской купец Г. Кочетов – 50; 9. Казанской купец Н. Ростовцев – 50; 10. Казанской купец Юсуп князь Заманов – 25; 11. Казанской купец М. Уразов – 10; 12. Казанской торговой татарин Б. Халфи – 10; 13. Мамадышской купец Х. Уразов – 10; 14. Купеческая жена А. Конюхова – 10

Всего: 965 руб.» [9, л. 21].

Список 2

«1. Ярославский купец Петр Иванов Свойкин – 100; 2. Ярославский купец Федор Рошков – 50; 3. Ростовский купец Андрей Кадалов – 50; 4. Ростовский купец Афанасий Готин – 100; 5. Ростовский купец Иван Нарятчиков – 50; 6. Астраханский первой гильдии купец Неяз Юсупов Измайлов²⁹ – 1000; 7. Арский купец Назир Баязитов – 400; 8. Торговый татарин Батыр Аитов – 200; 9. Малмыжской первой гильдии купец Муса Абдуллов Утямышев³⁰ – 500; 10. Казанский первой гильдии купец Муса Апанаев³¹ – 500; 11. Бухарец Валеи Ушалов – 500; 12. Казанский первой гильдии купец Муса Адамов – 200; 13. Каси-

Список 3

«Московской купец Ф. Львов – 100; Ярославский купец П. Матвеевский – 100; Ярославский купец А. Шевляжиков – 100; Житель Борисоглебской слободы Л. Сахаров – 100; Житель Борисоглебской слободы Я. Гребенсков – 100; Ростовского уезда Борисоглебской слободы графа Орлова крестьянин М. Маврин – 100; Ростовской купец И. Балашов – 100; Ростовской купец И. Кандалов – 100; Н. Кекин – 100; М. Качкачи – 100; Вологодской купец П. Мартынов – 100; А. Алеров – 100; Шадринской купец Ф. Фетисов – 100; Купец Е. Елемжерепов – 1400; А.Б. Серебренников – 100; Купец Я. Рязанов – 100; Крестьянин П.С. Свинына М. Великолепов – 100; Графа Шулятьева крестьянин Д. Колесников – 100; Московской купец Л. Селянов – 50; Московской купец И.Т. Аржанинов – 50; Московской купец Г. Синицын – 50; Московской купец М. Степанов сын Желвунов – 25; Боровской купец Е. Третьяков – 25; Купец Ф. Серебренников – 25; Нежинский грек Афанасий Хаджи Маркобухля – 25. Всего: 2050 руб.» [9, л. 27].

Список 4

«1. От тобольского купца М. Селиванова – 500; 2. От тобольского купца И. Ширкова – 500; 3. От московского купца А. Кирьякова – 2000; 4. От надворного советника И.Г. Нефимонова – 100; 5. От московского купца П. Кирьякова – 7915; 6. От иркутского 1 гильдии купца П. Басмина – 4425³⁵; 7. От московского 1 гильдии купца А. Савостина – 4701³⁶; 8. От московского купца Т. Щеглова 500 руб., да им

собранных от других 3069 и сверх того ружье, 2 пистолета, пика; 9. От казанского мещанина Б.И. Коптелова, пожертвованных им самим с родственниками 200 руб. и собранных от других 1314 руб., а всего 1514 руб.; 10. От московской 1 гильдии купца Г.А. Ушакова – 500; 11. От ростовского купецкого сына И. Костылева – 100; 12. От ярославского 3 гильдии купца В. Крутикова – 125; 13. От московского 3 гильдии купца К.И. Русанова – 125; 14. От ярославского 3 гильдии купца Е. Колотилова – 50; 15. От ярославского 3 гильдии купца Н. Мясникова – 10; 16. От иркутского 1 гильдии купца Л. Медведникова – 1000; 17. От московского купца Ф. Афанасьева – 150; 18. От ярославского посадского О. Столярова – 5; 19. От ярославского купца П. Галактионова пожертвованных им самим 100 руб. и собранных от других 445 руб. – 545; 20. От калужского купца И. Щепкина – 1000; 21. От ярославского 2 гильдии купца Я. Луховитинова – 150; 22. От тобольского 1 гильдии купца А. Ширкова – 2000; 23. От нежинского грека Л. Антоновского – 500; 24. От орловского купца П. Кашеверова – 150; 25. От московского купца Ф. Гусева – 200; 26. От шуйского купца А. Носова – 25; 27. От московского купца Л. Карякина – 300; 28. От нарвского купца И. Зейделера – 200; 29. От ярославского 2 гильдии купца П. Оловянишника – 500; 30. От ярославского купца Г. Оловянишника, собранных им с торговцев медного и скобяного рядов – 587; 31. От жителя села Иваново И. Гандурина – 1000; 32. От ярославского 3 гильдии купца В. Пегова; 33. Села Иванова от жителя Д. Ямановского – 500; 34. От московского 2 гильдии купца С. Каретникова – 1000; 35. Села Иванова от жителя Д. Ямановского собранных им с торгующих в ивановском ряду – 2305; 36. От ростовского мещанина П. Кононова – 15; 37. От ярославского 3 гильдии купца Д. Пегова – 100; 38. От московского 3 гильдии купца М. Тюриня – 100; 39. От московского 1 гильдии купца Е.И. Грачева – 5000; 40. От московского 2 гильдии купца Ф. Карманова – 500; 41. От ярославского 3 гильдии купецкого сына С. Мушника – 50; 42. От казанского 1 гильдии купца М. Измайлова Апанаева пожертвованных им самим 500 руб. и собранных им по татарскому и мыльному ряду, всего – 5690; 43. От московского 1 гильдии купца П.И. Почепина, собранных им по по суконному ряду – 1500; 44. От него же собственно им пожертвованных – 1000; 45. От вологодского 1 гильдии купца И. Ягодникова – 1000; 46. От московского 2 гильдии купца А. Шарпова пожертвованных им и собранных от других – 2895; 47. От ярославского купца И. Коровайникова – 100; 48. От ярославского 2 гильдии купца И.А. Ушакова – 500; 49. От московского купца А.Я. Шмарыкина – 200; 50. От московского 2 гильдии купецкого сына Д.Т. Щипанова – 150; 51. От краснослободского 2 гильдии купецкого сына И.А. Муромцева – 100; 52. От ярославского 3 гильдии купца А.М. Морозова – 25; 53. От ярославского 2 гильдии купца А.П. Кропина – 125; 54. От московских 1 гильдии купцов В.Б. Неvejина и В.Д. Сорокина – 10 000; 55. От вологодского 1 гильдии купца А.Д. Сумкина – 1000; 56. От вологодского 1 гильдии купца И.А. Полесова – 1000; 57. От московского 2 гильдии купца

М.И. Скрепкова – 100; 58. От московского 1 гильдии купца О. Пушалова – 500; 59. От калужского 1 гильдии купца И.М. Золотарева – 1000; 60. От казанского 1 гильдии купца М. Апанаева³⁷ – 20; 61. От московского 1 гильдии купца Ф.Ф. Львова, старосты напиточного ряда – 2195. А всего: 73071 руб.» [9, л. 59].

Список 5

«В Нижегородскую духовную консисторию от духовенства Нижегородской епархии представлено в пожертвование на новое ополчение противу врага Отечества»: «Нижегородского третьеклассного Крестовоздвиженского девичьего монастыря от игуменьи Доробеи» – 300; «Сверх того от нее же с сестрами представлено половинное их жалованье» – 215; «Нижегородского Нов Града духовенство представили в пожертвование»: Кафедрального Спасопреображенского собора протоиерей М. Филиппов со всем причтом – 50; Архангельского собора протоиерей Я. Иванов с причтом – 55; Покровской церкви протоиерей Е. Иванов с причтом – 25; «Да собственно от себя» – 25; Сретенской церкви протоиерей А. Иванов с причтом – 25; Варварской, Священник А. Петров с причтом» – 25; Николаевской Верхнепосадской, В. Федоров – 25; Вознесенской, И. Васильев – 25; Рождественской, Н. Иванов – 25; Николаевской Нижнепосадской, В. Иванов – 20; Крестовоздвиженского девичьего монастыря, А. Петров и М. Иванов – 20; «Да собственно от себя» А. Петров – 10; Георгиевской, И. Трофимов – 20; Кладбищенской Всехсвятской, С. Иванов – 20; Симеоновской, В. Яковлев – 20; Пятницкой, Т. Степанов – 20; Знаменского собора, А. Васильев – 20; Сергиевской, И. Иванов – 20; Похвалинской, П. Александров – 20; Николаевской Слободской, А. Степанов – 20; Предтеченской Слободской, М. Иванов – 20; Предтеченской Нижнепосадской, А. Алексеев – 20; «Да от себя» (А. Алексеев – авт.) – 5; Казанской, А. Алексеев – 20; Владимирской, «что в Кунавинской слободе», И. Михайлов – 20; Живоносной, Н. Николаев – 20; Успенской, М. Петров – 20; Кладбищенской Казанской, М. Ильин – 15; Козмодамианской, Г. Петров – 15; Троицкой, М. Федоров – 15; «Да собственно от себя» (М. Федоров. – Д.Н.) – 10; Алексеевской, Я. Андреев – 10.50; Ильинской, М. Степанов – 10.50 [8, л. 4].

Список 6

«Пожертвование на военное ополчение: От разных лиц и обществ: Ассигнациями и серебром с лажем³⁹ – 287370 руб. 12 коп.; Золотом – 17 руб.; Червонцев – 22; Сукна на 20 тыс. руб.; Наперсный архиерейский крест с цепочкой серебряной и вызолоченный весом 25 золотников; Полотна 26 аршин; Посконного холста 54 аршина; Бараньих белых кож 80; 1 ружье, 3 пистолета и копьё без древка; По подпискам обязались ежегодно, покуда продолжится война – 1250 руб.; В особенности от дворянства: Воинов: В 1-е ополчение – 12924; Во 2-е ополчение⁴⁰ – 6239; На них провианта на 3 месяца: На 1-е ополчение натурою, полагая на каждого в месяц муки 1 пуд

35 фунтов – 9698 четвертей, в каждой весом 7 пуд 20 фунтов; круп по ½ гарнца – 909 четвертей 1 четвертик и 5 гарнцев, соли по 2 фунта и вместо оной деньгами по 6 коп. – 2326 руб. 32 коп. По цене полагаемая четверть муки 7 руб. 38 коп. – 71571 руб. 24 коп.; крупы 18 руб. 88 ½ коп. – 17170 руб. 30 коп.; На 2-е ополчение: Вместо провианта деньгами на каждого в месяц по 3 руб. – 56151 руб., жалованья на 1-е и 2-е ополчения на каждого воина в месяц по 1 руб., а на три всем – 57 489 руб.; Обмундирование и вооружение (нет сведений. – Д.Н.); Лошадей: Для первого ополчения строевых в конный полк – 660; Подъемных для 5-ти пехотных и 1 конного полков – 264; Им содержание: Строевым на 3 месяца, полагая на каждую в сутки овса по 3 гарнца – 2784 четвертей 3 четвертика; сена по 20 фунтов – 29800 пуд; Подъемным на 2 месяца деньгами, полагая на каждую пару в сутки, в том числе и на смазку колес по 1 руб. 60 коп. – 12672 руб.; Повозок – 132; Для 2-го ополчения: Строевых (лошадей. – Д.Н.) под артиллерию, сформированную из рекрут господина генерал-майора и кавалера Ильина⁴¹ 242 (лошади. – Д.Н.) без фуража; Из 2-го ополчения господином подполковником и кавалером Зимнинским⁴² – 88 (строевых лошадей. – Д.Н.); Подъемных (лошадей. – Д.Н.) – 132; Им на 3-х месячный фураж, полагая в сутки строевым 88 лошадям овса по 3 гарнца – 371 четверть и 2 четвертика; сена по 20 фунтов – 3960 пуд; Подъемным, овса по 2 гарнца – 371 четверть и 2 четвертика; сена по 20 фунтов – 5940 пуд; Вместо одного деньгами: Для 88 артиллерийских лошадей на фураж и на седла и на подковку – 6213 руб. 62 коп.; Для подъемных: На фураж – 5435 руб. 10 коп.; На подковку на каждую лошадь по 2 руб. – 264 руб.; Повозок – 66; На смазку колес для каждой повозки по 6 руб. – 396 руб. На вспомоществование недостаточным дворянам, вступившим на службу военного ополчения, состоящих под распоряжением дворянского собрания – 94000 руб.» [16, л. 8–11].

Список 7

«По 1-му ополчению: 653 строевых лошади по 125 руб. – 82375 руб.; 264 подъемных лошадей по 100 руб. – 26400 руб.; 132 повозки с цинолками и веревками по 85 руб. – 11220 руб.; 132 пары хомутов со всем прибором по 25 руб. – 3300 руб.; 659 седел с уздами и недоузтками по 27 руб. – 17793 руб.; 132 топора и по таковому же числу долот и буравов всех трех сортов по 2 руб. – 264 руб. Итого: 141352 руб. 2-го ополчения: 242 лошади с недоузтками, поставленными к Ильину по 125 руб. – 30250 руб.; К Зимнинскому: 81 лошадь по 125 руб. – 10125 руб.; По подрядной цене: 88 хомутов по 16 руб. 50 коп. – 1452 руб.; 44 седел с уздами и недоузтками и прочим прибором по 20 руб. – 880 руб.; 44 щетки и таковое же число скребниц по 1 руб. 50 коп. – 66 руб.; 2 пуда и 15 фунтов стекледи – 23 руб. 75 коп. Итого: 1254 руб. 75 коп. Всего с Ильиным: 42796 руб. 75 коп. К Григорьеву⁴³: Цены полагаются как и 1-го ополчения: 125 лошадей по 100 руб. – 12500 руб.; 63 повозки с цинолками и веревками по 85 руб. – 5355 руб.; 63 пары хомутов, каждая пара по 25 руб. – 1575 руб.; 63 топора и по таковому же числу буравов и долот всех

трех сортов по 2 руб. – 126 руб. Итого: 19556 руб. 1 подъемная (лошадь. – Д.Н.) поступила к Бауверу⁴⁴ – 100 руб. Всего с Григорьевым: 19656 руб. Недоимочные: По 1-му ополчению: 1 строевая лошадь – 125 руб.; 1 седло с уздой, недоуздкой и прочим – 27; По 2-му ополчению: 6 подъемных лошадей по 100 руб. – 600 руб.; 3 повозки с прибором по 85 руб. – 255 руб.; 6 хомутов за пару по 25 руб. – 75 руб.; 3 топора и по таковому же числу буравов и долот всех трех сортов по 2 руб. – 6 руб. Итого: 936 руб. За 7 строевых лошадей по 125 руб. – 875 руб. Цены оружие, пожертвованному от дворянства: 1329 ружей по 12 руб. 50 коп.⁴⁵ – 16612 руб. 50 коп.; 500 пистолетов по слажности (по сложности сумм. – Д.Н.) по 4 руб. 50 коп.⁴⁶ – 2250 руб.; 362 сабли по слажности по 4 руб. 10 коп. – 1484 руб. 20 коп.; 12106 пик по 2 руб. 25 коп. – 27238 руб. 50 коп.; 619 дротиков по 2 руб. – 1238 руб.; 1260 руженных ремней по 45 коп. – 567 руб.; 1260 пыжовников по 25 коп. – 315 руб. Итого: 49705 руб. 20 коп. От духовенства пожертвованных 1 пистолет – 4 руб. 50 коп.; От купечества 1 ружье – 12 руб. 50 коп. и 2 пистолета по 4 руб. 50 коп. – 9 руб. Итого пожертвований: 49731 руб. 20 коп. Покупных на пожертвованную сумму: 2413 ружейных ремней по 45 коп. – 1085 руб. 85 коп.; 47 дротиков по 2 руб. – 94 руб.; 20 полковых значков за каждый по 16 руб. – 320 руб.; 12 форм (для литья пуль. – Д.Н.) по слажности по 12 руб. – 144 руб. Итого: 1643 руб. 85 коп. Принятых от полицмейстера и городничих⁴⁷: 2707 ружей по вышеозначенным ценам – 33837 руб. 50 коп.; 8 пистолетов – 36 руб.; 1275 сабель – 5227 руб. 50 коп.; 1338 пыжовников и 1338 отверток – 669 руб.; 525 трещоток – 131 руб. 25 коп.; 1 палаш – 4 руб. 50 коп.; 6 тесаков – 12 руб. Итого: 39923 руб. 75 коп. От Ильина и Шиллера⁴⁸: 3260 ружей – 40750 руб.; 3260 пыжовников и 3260 отверток – 1630 руб.; 10 форм – 120 руб. Итого: 42500 руб. Принятых князем Звенигородским⁴⁹ с баташевского завода 800 пик и представленных Его Сиятельством князем Георгием Александровичем 2650 итого 3450 пик – 7762 руб. 50 коп.» [17, л. 21–22].

Примечания

1. Список жертвователей неполон.
2. Тульский оружейник Андрей Лялин являлся одним из поставщиков вооружения для нижегородского ополчения.
3. Согласно исследованиям Н.А. Богородицкой [51], М.П. Погодина [52], О.Н. Сенюткиной, И.К. Загидуллина [53], Н.И. Таирова [54] и др., по номенклатуре и объему продаваемой продукции, этнические татары занимали значимый экономический сектор не только в собственно «татарском ряду», но и в «мыльном ряду» Макарьевской ярмарки.
4. Торговцы т.н. «татарского ряда» весьма часто и ошибочно идентифицируются в исторической литературе по «этнической составляющей», например, как «группа татарских купцов» [12, с. 7], что не является правильным, поскольку в этом ряду могли быть (и были, как видим в приведенном списке) люди разных этнических групп: в состав ряда входили купцы, имевшие широкие торговые связи с разными регионами «большой» Азии.

5. Как видно, среди торговцев данного ряда (как и некоторых других объединений) присутствуют не только собственно купцы (по сословной принадлежности), но и крестьяне и «жители» (мещане), а также лица, без указания конкретной сословной принадлежности.

6. Пожертвование Баташева не проходило через местный комитет пожертвований; вероятно, учитывая специфический характер предоставляемой «натуральной» продукции, ее принимали структуры военного ведомства и, скорее всего, в губерниях Нижегородской, Владимирской и Тамбовской, где и находились заводы Баташева.

7. «И сверх того: золотых монет 25, из коих российских червонцев 2, пятирублевых 3, двурублевая 1 и голландских червонцев 19. Один собственный Архимандричий крест с цепочкою серебряной позолоченной. Один пистолет» [12, с. 101–102].

8. Списки пожертвований от «градских дум» здесь и далее приводятся в авторском варианте.

9. Поскольку документ именуется как «Реестр именам, от коих сделано подписом в книгах пожертвование для внутреннего военного ополчения денежной суммы», то можно предположить, что речь идет не только о текущих «реальных» жертвованиях, сделанных в данный момент времени, но и о «подписке» – собственноручном обязательстве сделать пожертвование в некое «наиближайшее» время. Отметим также, что обязательства по подписке не могли быть нарушены абсолютно ни при каких обстоятельствах, даже в случае окончания войны, если этот фактор не оговаривался особо.

10. Понятие пожертвований как таковых нужно рассматривать (по сути, это и делалось в официальных документах) в двух ипостасях: 1) добровольные взносы всех категорий населения; 2) обязательные дворянские «владельческие» взносы, которые тоже считались «добровольными жертвованиями».

11. По первоначальному данным сумма от конисории составила 30329 руб. 18 коп. [8, л. 161].

12. Здесь и далее в графах пожертвований от «обществ» указывается: «за исключением оказавшихся при приеме ветхих и неспособных к употреблению ассигнаций».

13. В перечне уездных «жертвующих» городов Нижегородской губернии отсутствует город Княгинин.

14. Даже с учетом указанного здесь отдельно «коллективного» пожертвования купца Д. Боткина (4400 руб.) эти цифры не согласуются с первоначальными подсчетами, согласно которым иногороднее купечество внесло 73071 руб. По приведенным выше данным, на лето–осень 1812 г. купеческое общество Макарьевской ярмарки в совокупности, с учетом взноса Боткина (5200 руб.) и купца П.Ф. Грязева (100 руб.), внесло 78371 руб.

15. Имеется в виду некоторая разновидность «двойной бухгалтерии»: деньги от полученных ранее, но не израсходованных «дворянских» сборов, которые, конечно же, должны были числиться в общем реестре, были записаны в пожертвования.

16. Поскольку, как уже было указано, финансовый отчет был не только «приходный», но и «расходный», то в нем присутствовали датированные

графы конкретных расходов по следующим основным статьям: жалованье «офицерам, подпрапорщикам и урядникам, и прочим чинам», «на лазарет», «на помощь недостаточным чиновникам», «на прогоны комиссионерам и чиновникам», «на исправление оружия, покупку артельных котлов, кастрюль и перевозку амуниционных вещей», «на посылку нарочных курьеров и эстафетов», «на пересылку чрез почту денег», «на канцелярские расходы и расходы непредвиденные», «на экстраординарные расходы», на покупку лошадей, «на вспомоществование и обмундирование недостаточным офицерам» и пр. [18, л. 1–402].

17. Например, в отчете от февраля 1813 г. указан один из объектов учета – «обмундирование полков и снабжение оных обозами», но не детализируется, входит ли в число обмундированных абсолютно весь личный состав полка, или только рядовые ратники, поскольку обмундированием урядников (из дворян), прапорщиков, подпрапорщиков, портупей-прапорщиков, штаб- и обер-офицеров комитет пожертвований занимался особо, используя для этого как раз те наличные средства, которые и были собраны «от лиц и обществ»; не вполне ясен и «внутренний» смысл в отношении «снабжения оных (полков. – Д.Н.) обозами». Можно предположить, что в «полноценный» обоз входят подъемные лошади, повозки с грузом и весь необходимый провиант и инвентарь. Но, как правило (и это, что странно, в данной ведомости отсутствует), дорогие (по стоимости) объекты учета (лошади, повозки и пр.) всегда указывались во всех документах подобного рода точными математическими числами, а не общим понятием «обоза». Ничего не сказано в этом документе и о строевых лошадях; частью «обоза» они быть не могут. К тому же в отчете не указывается, относится все учтенное к ополчению «основному» или к резервному тоже. Подобных примеров при исследовании приходо-расходной отчетной документации 1812–1813 гг. можно найти множество, что приводит фактически к невозможности точного вычисления расходов на ополчение.

18. Есть еще вариант общей суммы пожертвований от «лиц и обществ» – 330485 руб. Вероятно, более высокие цифры связаны с тем, что крупные жертвователи – купцы Расторгуев и Костромин – внесли «остаточные» с них суммы довольно поздно, по завершении основной «отчетной» кампании. Но это лишь предположение о возможном варианте несходства цифр.

19. А именно: Пожертвования от «обществ и лиц» – 330485 руб. На покупку строевых (660 голов) и подъемных лошадей (264) «с повозками и приборами» – 203804 руб.; «Ранцев, патронташей, ремней, значков и топоров» – на 64506 руб.; жалованные и соляные деньги ратникам – 40323 руб.; на провиант и фураж (для строевых лошадей) – 96316 руб.; на фураж для подъемных лошадей – 8635 руб.; жалованные деньги ратникам резервного ополчения – 18697 руб.; на провиант ратникам резервного ополчения – 56175 руб.; за фураж, «седла с прибором и на подковку» 88 лошадям, сданным в артиллерийские роты – 6357 руб.

«Всего деньгами и вещами» – 875315 руб. [55, с. 421]. Эти же сведения были продублированы в

упоминаемом труде Ф.Б. Дроздова [32]. Необходимо отметить, что и к этому варианту «финансовой росписи» имеются вопросы и претензии по поводу неполноты сведений о стоимости пожертвованного оружия (не оценены «милиционные» арсеналы 1806 г. и пр.); отсутствуют сведения об общей стоимости обмундирования и пр., а также, как обычно, присутствует «двойная бухгалтерия».

20. Если сложить расходы на формирование егерского и пехотных полков в Ярославле и Владимире, о чем упоминалось в тексте, с расходами на «собственно» ополчение, согласно цифрам, полученным автором данного труда, либо цифрам отчета Крюкова, то получается более-менее «искомая» В.И. Бабиным цифра.

21. В связи со своим крупным взносом А.И. Костромин входил в руководство комитета пожертвованных на ополчение.

22. Впрочем, среди мещан их тоже было немного [56, с. 60].

23. Труд С.И. Архангельского (вернее, сборник документов под его редакцией), хотя и является весьма информативным с точки зрения содержания, но носит примитивный «справочно-хронологический» и малонаучный характер, не отвечая даже требованиям, сформированным и предъявлявшимся к трудам подобного рода в предыдущие эпохи. Собственно «труд» представляет собой бессистемную перепечатку содержания ряда архивных документов, выполненную по хронологическому принципу их подбора. Следует отметить, что ни один из приведенных в тексте документов не содержит архивной легенды; не все документы соответствуют заявленной тематике финансового обеспечения ополчения. Кроме того, наблюдается огромное количество неправильно напечатанных (и, вероятно, прочтенных в текстах документов) названий, имен, фамилий и пр., что существенным образом искажает восприятие исторической действительности. При наличии достаточного количества оригинальных текстов документов (использованных нами при подготовке данной статьи) труд С.И. Архангельского может служить дополнительной информационной составляющей при более углубленной работе по данной проблематике, оставаясь при этом историко-документальным памятником лишь «своей» эпохи.

24. Весомо «подкрепленное» рамками господствующей идеологии, или, точнее, рамками постепенно утвердившихся в советском обществе «доминантно-патриотических» воззрений об «истинно народном» характере войны.

25. Например, жертвователи крупных сумм награждались, как правило, бронзовой правительственной медалью в честь 1812 г., которая носилась на ленте ордена Св. Анны.

26. Преференций не только грядущих, но и «сегодняшних», поскольку купечество, по многим справедливым суждениям и современников, и позднейших исследователей, воспринимало войну в двух ипостасях одновременно: как с точки зрения возможного разорения и с точки зрения возможного быстрого обогащения, ввиду резкого роста цен на многие группы товаров первой необходимости, а

также монополизации рынка, ввиду временного отсутствия иностранной конкуренции [44].

27. К этому выводу дополнительно приводит факт заметного присутствия в ополчении добровольцев из церковной среды, многие из которых имели заведомо слабое здоровье и неважные морально-волевые качества. Убедительная «разъяснительная работа» епископа Нижегородского и Арзамасского Моисея была здесь налицо [20].

28. В выполнение «постоянной повинности» крестьяне и мещане часто содержали войска, размещенные у них «на квартирах», за свой собственный счет, получая за это удостоверяющие квитанции с фиксированными, по количеству «постояльцев», суммами, которые потом оплачивала казна. На практике же, с учетом повышения цен в военное время на товары первой необходимости (продовольствие и фураж), постой войск оборачивались серьезными материальными убытками для населения. Кроме того, часто, «по просьбам жителей», желающих якобы «облегчить» расходы государственной казны (как заявляли представители местного начальства), квитанции и вовсе не выдавались.

29. С припиской – «Дана особая квитанция»: подобным образом иногда отмечались крупные пожертвования, поскольку «обычные» квитанции получали все жертвователи.

30. «Дана особая квитанция» [9, л. 22].

31. «Дана особая квитанция» [9, л. 22].

32. Очевидно, Девлеткильдеев.

33. Очевидно, Осоргин.

34. С припиской: «А за исключением из того числа пятисот рублей, внесенных особо Галебаем Кушкаровым августа 10-го, останется четыре тысячи семьсот сорок пять рублей, причисляя к тому и двадцать рублей, поступивших августа 10-го под № 63, на кои дана особая квитанция» [9, л. 23].

35. Коллективное пожертвование.

36. Коллективное пожертвование.

37. Пожертвовал вторично. Первый раз внес 500 руб.

38. Списки коллективных пожертвований от «лиц духовного звания» указаны в авторском варианте [8].

39. Лаж – по сути, валютно-денежный курс, соответственно которому денежный номинал ассигнации относился к такому же номиналу, но серебром как 4 к 1.

40. Имеется в виду резервное ополчение, сбор которого начался 6 декабря 1812 г.

41. Генерал-майор В.Ф. Ильин, начальник Московского комиссариатского депо, первоначально возглавил процесс формирования 3 артиллерийских рот резервного ополчения.

42. Подполковник И.Б. Зиминский продолжил после В.Ф. Ильина формирование 3 артиллерийских рот резервного ополчения.

43. Генерал-майор и «кавалер» П.Б. Григорьев – командир 2-го (резервного) нижегородского ополчения.

44. Баувер (возможно, Бауэр) – фамилия прусского полковника, которому после окончания боевых действий была передана часть лошадей ополчения.

45. Следует отметить, что в отчете имела место некая «хитрость»: цена 12 руб. 50 коп. за ружье –

это цена нового изделия. Дворянство же главным образом поставило ружья «изрядного» срока службы. Это, конечно, не касалось вооружения, выданного ополчению дополнительно из государственных запасов.

46. В отличие от ружей, пистолеты (в основном для вооружения личного состава конного полка), поставленные дворянством, являлись в большинстве своем новыми.

47. Нижегородский полицмейстер и городничие уездных городов выдали в качестве возможного вооружения ополчения 1812 г. «милиционное» оружие ополчения 1806 г.

48. Полковник Шиллер – командир нижегородского губернского внутреннего батальона.

49. Князь Ф.И. Звенигородский – полковник, командир сначала 3-го полка «действующего» ополчения, затем командир 1-го полка резервного ополчения.

THE NATURE AND CLASS-CORPORATE FEATURES OF THE MATERIAL AND FINANCIAL CONTRIBUTION OF THE POPULATION OF THE NIZHNY NOVGOROD PROVINCE TO THE CREATION OF THE MILITIA IN THE ERA OF 1812

D.A. Nikolaev

The article is devoted to the features of the material and financial contribution of the population during the creation of the militia in the Nizhny Novgorod province in the era of 1812: to identify the exact number of donations and their nature, as well as to analyze the class and corporate features of the era identified in the process of fundraising. On the basis of studying materials of the Central archive of Nizhny Novgorod region and analysis of historiographic writings the sources of donations from different social groups, identified specific traits of the local “getoutline movement” given the criticism previously written on this problem of historical works.

Keywords: Nizhny Novgorod province, Nizhny Novgorod militia, Patriotic war of 1812, officers, military and civil ranks, voluntary donations.

References

1. Central Archive of the Nizhny Novgorod Region (TSANO), F. 1 822. Op. 1. D. 18.
2. Dorofeev F.A., Nikolaev D.A. Features of the formation of the officer corps in the Nizhny Novgorod militia of 1812 // *History questions*. 2020. No. 1. P. 121–128.
3. Khvostova I.A., Nikolaev D.A. Formation and marching march of the horse regiment of the Nizhny Novgorod militia in 1812. (September 1812 – February 1813) // *Humanities and Socio-political Sciences*. 2018. No. 2 (99). P. 115–119.
4. Khvostova I.A., Nikolaev D.A. " ... Exercise ... in drunkenness and violence ...": formation and deviant features of the marching march of the 3rd regiment of the Nizhny Novgorod militia (September 1812 – June 1813) // *History: facts and symbols*. 2019. No. 4 (21). P. 27–36.
5. Nikolaev D.A. How and with what the Nizhny Novgorod militia was armed in 1812 // *Military-historical magazine*. 2019. No. 2. P. 75–79.
6. TSANO. F. 639. Op. 124. D. 1587.
7. Actions of the Nizhny Novgorod Provincial Scientific Archival Commission (NGUAC). Vol. 18 // *In memory of the Patriotic War of 1812. Materials on the history of the Nizhny Novgorod Region in the era of the Patriotic War of 1812 Issue I. Finance* / Edited by S.I. Arkhangelsky. N. Novgorod: Printing house «Nizhny Novgorod printing», 1916.
8. TSANO. F. 835. Op. 1. D. 4.
9. TSANO. F. 2. Op. 4 (vol. 1). D. 116.
10. Babkin V. I. The People's Militia in the Patriotic War of 1812. M.: Sotsegiz, 1962. 213 p.
11. TSANO. F. 5. Op. 42 (1812). D. 10.
12. Nizhny Novgorod province in the era of the Patriotic War of 1812: a collection of documents / Comp. E.E. Lebedeva, D.S. Mochalov, Ya.M. Khoroshkin. N. Novgorod: Committee for Archives of the Nizhny Novgorod Region, 2012. 360 p.
13. TSANO. F. 1822. Op. 1. D. 235.
14. TSANO. F. 835. Op. 1. D. 9-a.
15. TSANO. F. 2. Op. 4 (Vol. 1). D. 162.
16. TSANO. F. 835. Op. 1. D. 38.
17. TSANO. F. 1822. Op. 1. D. 192.
18. TSANO. F. 1822. Op. 1. D. 235.
19. Senyutkin S.B. History of the Tatars of the Nizhny Novgorod Volga region from the last third of the XVI to the beginning of the XX centuries (The historical fate of the Mishars of the Nizhny Novgorod Region). N. Novgorod: Publishing House of the UNN State University, 2001. 416 p.
20. Nikolaev D.A. Volunteers in the Nizhny Novgorod militia of 1812: historical realities and historical myths // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevsky*. 2018. № 2. P. 67–77.
21. Kabanov A.K. Militia 1812 // *The Patriotic war and Russian society: 1812–1912: Anniversary edition in 7 volumes*. V. 5, ed. by A.K. Djiveleva, S.P. Melgunov, V.I. Picheta; Historical Commission Training division ARTS. M.: Partnership I.D. Sytina, 1912. P. 43–74.
22. Apukhtin V.R. Nizhny Novgorod noble militia in 1812–1814: a brief sketch of the formation of the Nizhny Novgorod military force and the actions of the Nizhny Novgorod militia regiments in 1813 abroad. M.: Association «Printing house S.P. Yakovleva», 1912. 65 p.
23. Selivanova E.F. Nizhny Novgorod People's Militia 1812–1814: Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1948. 150 p.
24. Babkin V.I. Nizhny Novgorod militia in the Patriotic War of 1812: Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1947. 152 p.
25. Arkhangelsky S.I. The militia of 1812 // *Gorkovskaya commune*. 1941. June 31. P. 2.
26. Kapterev L. Nizhegorodtsy in the Patriotic War // *Lenin's shift*. 1941. June 15. P. 3.
27. Loginov N. Nizhny Novgorod residents in the people's militia 1812 // *Gorkovskaya commune*. 1941. 10 August. P. 2.

28. Semenov L. Nizhny Novgorod militia 1812 // Lenin's shift. 1941. 15 August. P. 2.
29. Zubkov S.N., Kalyganova E.A. Nizhny Novgorod militia 1812–1814 // Nizhny Novgorod Region: facts, events, people. N. Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 1994. P. 171–175.
30. Lushin A.N. Nizhny Novgorod People's Militia 1812–1814 // Nizhny Novgorod antiquity: local history and historical publication. 2010. Issue 23–24. P. 111–117.
31. Lushin A.N. Nizhny Novgorod People's Militia 1812–1814. A lesson in Russian patriotism. N. Novgorod: Behemoth, 2012. 22 p.
32. Drozdov F. B. Nizhny Novgorod militia and its participation in foreign campaigns // The Patriotic War of 1812. The Nizhny Novgorod militia and its participation in foreign campaigns of 1813–1814. N. Novgorod: NO IRI RAS, 2012. 138 p.
33. Drozdov F.B. Nizhny Novgorod militia in a foreign campaign of 1813–1814 // Erstrom E.G. 1812. The journey from Moscow to Nizhny Novgorod / Comp. G.M. Kovalenko, A.A. Kuznetsov; Trans. A.M. Galinova; ed. by S.N. Iskola, G.M. Kovalenko; introd. article G.M. Kovalenko, A.A. Kuznetsov; comments S.N. Iskola, G.M. Kovalenko, A.A. Kuznetsov, A.V. Morokhin. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2013. P. 239–294.
34. Dobrotvir N.M. From the Volga to the Elbe (the battle path of the Nizhny Novgorod militia) // Gorkovskaya Pravda. 1962. October 18. P. 3.
35. Ermolaev I. Ancestral patriotism // Gorky worker. 1962. 18 October. P. 3.
36. Ramov A. Nizhny Novgorod militia // Gorky worker. 1962. July 14. P. 3.
37. Schennikov V. No wonder the whole of Russia remembers... // Land of Nizhny Novgorod. 1992. September 6. P. 14.
38. Gromov V.A. Sergachskoe attraction: historical and local history essays. N. Novgorod: Streak, 1996. 160 p.
39. Korshak S.N. Soldiers of the Fatherland of 1812 // My Bor fatherland. N. Novgorod: Publishing House of the Moscow-City Institute of Economic Education, 1998, 314 p.
40. Igonkin S. The Arzamas militia // Nizhny Novgorod Land. 2001. No. 38. P. 12.
41. Sirotkin V. G. The Patriotic War of 1812. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 252 p.
42. Berlin P.A. The Russian merchant class and the war of 1812 // Patriotic war and Russian society. Moscow: Printing house of the partnership I.D. Sytina, 1912. Vol. 5. P. 114–120.
43. Spiridonova L.M. The Donation Committee: function and role in the formation of the militia of 1812 in the Penza province // Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Questions of theory and practice. 2012. No. 9-2 (23). P. 162–165.
44. Belousov S.V. Merchants of the Middle Volga region in the Patriotic War of 1812 // Bulletin of the Samara State University. 2010. No. 3 (77). P. 59–63.
45. Belkovskaya L.G. Participation of the Kaluga merchant in the war of 1812 // Kaluga province in the Fatherly war of 1812: Materials of the scientific conference. Maloyaroslavets: Maloyaroslavets Military-historical Museum, 1994. P. 112–116.
46. Semenova A.M. Documents of the CIAM on the donation of Moscow merchants during the Patriotic War of 1812 // Domestic archives. 2012. No. 6. P. 55–59.
47. Boyko V.P. The Patriotic War of 1812 and the Tomsk merchant Class // Bulletin of the Tomsk State University. History. 2012. № 4 (20). P. 17–20.
48. Sereda N. The War of 1812 in the diaries of Tver merchants // Tver province in the Patriotic War of 1812: Collection of materials of the historical and local history conference. Tver: Lilia print, 2002. P. 72–80.
49. TSANO. F. 2. Op. 4. D. 117.
50. TSANO. F. 2. Op. 6a. D. 5b.
51. Bogoroditskaya N.A. Makaryevsko-Nizhegorodskaya fair. Essays of History. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 1997. 221 p.
52. Pogodin M.P. Road notes // Bogoroditskaya N.A. Nizhny Novgorod Fair in the memoirs of contemporaries. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2000. P. 88–92.
53. Senyutkina O.N., Zagidullin I.K. Nizhny Novgorod Fair Mosque – the center of Russian and foreign Muslims (XIX – early XX centuries). N. Novgorod: Medina, 2006. 176 p.
54. Tairov N.I. Tatar entrepreneurs at All-Russian fairs (the second half of the XIX – beginning of the XX centuries) // Scientific notes of the Kazan State University. Series: Humanities. 2008. Vol. 150. No. 1. P. 92–99.
55. The People's Militia in the Patriotic War of 1812. Collection of documents / Ed. by L.G. Bloodless. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1962. 547 p.
56. Nikolaev D.A. The influence of estate and corporate factors on the development of the voluntary movement to join the Nizhny Novgorod militia in 1812 // Questions of historical and ecological Regional Studies: A collection of articles by participants of the regional scientific and practical conference / Scientific Editor A.A. Isakov; executive editor V.I. Grubov. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2020. P. 60–65.